

Павел Барчук Павел Ларин

Drake Art

книга 5

СМЕРШ

— 1943 —

СМЕРШ (Барчук, Ларин)

Павел Барчук

СМЕРШ – 1943. Книга пятая

«автор »

2026

Барчук П.

СМЕРШ – 1943. Книга пятая / П. Барчук — «автор »,
2026 — (СМЕРШ (Барчук, Ларин))

Я не планировал умирать. Так вышло. Теперь я не майор уголовного розыска в 2025 году, а молодой лейтенант накануне величайшей битвы. Задача минимум – бить фашистов и выжить. Задача, максимум – найти врага, готового подарить Рейху технологии будущего.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Павел Барчук, Павел Ларин

СМЕРШ – 1943

Книга пятая

Глава 1

Обратный путь до машины, которую мы оставили у реки, рядом с местом убийства, показался мне бесконечным. К тому же теперь у нас на руках был избитый и частично переломанный майор Савельев. У него наверняка имелось множество травм, которые сложно опознать обычным взглядом. А докторов среди нас, как не крути, не значитя.

Первую помощь оказать – это пожалуйста. Определить степень опасности какого-нибудь внутреннего кровотечения или серьезного перелома – точно вряд ли. Тем более, судя по внешнему виду майора, Воронов постарался от души. Как минимум, пара ребер у Савельева точно треснули под сапогами или кулаками этой сволочи. Да и позвоночник мог пострадать. Одно неверное движение, и мы притащим генералу Белову свежий труп. А у нас этих трупов и так – воз с маленькой тележкой.

Пришлось импровизировать.

Карась взялся за дело с энтузиазмом, хотя повозиться ему пришлось изрядно. С матом и тихой бранью он принялся срезать своей финкой крепкие прямые жерди молодого орешника. Гнул стволы к земле до хруста, ловил момент максимального напряжения волокон, а затем с натягом перепиливал их. На эти палки мы собирались приспособить плащ-палатку, которая обнаружилась тут же, в бараке. Зафиксировать ее ремнями, а на доморощенные носилки аккуратно уложить майора.

Пока Мишка пыхтел над орешником, Котов подозвал Сидорчука, и мы втроем еще раз, максимально быстро, предельно внимательно, осмотрели всю территорию лесосеки. Результаты были скудными, но красноречивыми. В дальнем углу второго барака нашли остатки нехитрой трапезы. Кусок заветренного хлеба и пустую банку из-под тушенки. Но главное ждало нас за дверью, в куче старого тряпья. Основное доказательство живучести шизика.

Сидорчук вытянул на свет грязную, рваную форму. Гимнастерка и галифе были в пятнах речного ила, местами распороты о камни или коряги. Та самая, в которой Воронов прыгал в черную пасть Гнилого колена. Тут уж вообще никаких сомнений не осталось.

Я посмотрел на Котова в ожидании какой-то реакции. Ничего не дождался.

Капитан вообще после моего уверенного заявления, что Пророк жив, вел себя, мягко говоря, настораживающе. Он как-то нехорошо замолчал. Тяжело, мрачно. В голове Андрея Петровича шли активные мыслительные процессы и есть ощущение, итог этих процессов может не сильно меня порадовать. Именно меня.

Конкретно в данное мгновение Котов просто стоял, смотрел на драное тряпье, и в его глазах читалась такая гамма эмоций, что даже Сидорчук тихонько отошел в сторону. Только с улицы доносился треск веток и матерная брань Карася, который упорно продолжал гондобить носилки.

– Андрей Петрович, – осторожно начал я, – Вы же понимаете, он не просто так это оставил...

Вообще, хотелось бы, конечно, сказать совсем другое. Например, вернуться к разговору о цифрах на столе. Капитан не дурак, он сразу понял – послание предназначалось конкретно мне. Но какого-то черта молчал. Молчал и не задавал вопросов. А должен, черт подери!

Котов резко, почти грубо осек меня, даже не повернув головы:

– Молчать, лейтенант. До машины доберемся – там и поговорим.

Я тактично заткнулся. Молчать, так молчать. Ок. Главное, чтобы возле машины Андрею Петровичу не пришло в голову разговаривать со мной в более жесткой форме. Например, выпустить парочку пуль в какую-нибудь часть моего тела. Потому как, судя по напряженному лицу и выступившим скулам, он сейчас прямо сильно на взводе.

Когда носилки были готовы, тащить Савельева вызвались Карась и Сидорчук. Учитывая состояние моего плеча, которое дергало нудной, выматывающей болью, я подобные нагрузки точно не потяну. В итоге все может закончиться тем, что меня положат рядышком с майором.

Котов шел впереди, прокладывая путь и ежеминутно прислушиваясь к лесу. Андрей Петрович понимал, что Пророк уже далеко, но все равно опасался засады.

Несмотря на Мишкины потуги сделать транспортировку Савельева более-менее приличной, обратный путь один черт превратился в суровое испытание. Мокрые корни цеплялись за сапоги, ноги разъезжались в липкой грязи. К тому же идти нам приходилось не по ровной местности, а через лес, густой и чертовски для подобных путешествий не приспособленный.

Где-то на середине пути офицер Генштаба вдруг пришел в себя. Вернее, не совсем так. Он впал в какое-то пограничное состояние между бредом и явью. Его голова, покрытая запекшейся коркой крови, слабо моталась на брезенте носилок, глаза открылись, но при этом в них не наблюдалось адекватного понимания ситуации. Савельев видел что-то свое, понятное только ему.

– Я не сказал... Не сказал им... Слышите?..

Карась и Сидорчук синхронно сбавили шаг, стараясь не трясти раненого.

– Ничего не сказал... Я не предатель... Товарищ генерал, я не предатель... – продолжал бредить майор, задыхаясь на каждом слове. Взгляд его стеклянных глаз, мутных от боли и шока, метался по верхушкам черных деревьев, ни на чем не фокусируясь. Он застрял где-то там, в своем персональном кошмаре.

И в общем-то, ситуация была вполне понятная. Парень так-то пережил не самые лучшие моменты. Однако меня резко царапнул один факт. Прямо даже резанул сначала по уху, а потом по сознанию.

Им? Не сказал им?

Савельев использовал множественное число. Даже в бреду, в состоянии беспамятства, он должен помнить только того, кто причинил ему боль. И это – Воронов. А тут совсем другой коленкор вырисовывается. Получается, с большой долей вероятности, всю операцию с "эмкой" и захватом офицера Генштаба реально провернул один человек. Но допрашивали майора двое! Как минимум.

Карась тяжело выдохнул.

– Лежи спокойно, – негромко, на удивление мягко и по-доброму произнес Мишка – Свои мы. СМЕРШ. Вытащили тебя. Никто не предатель, ты герой, всё нормально. Молчал как партизан, мы знаем. Лежи, сил набирайся. Терпи, братишка. Доставим тебя в Свободу, а там доктора помогут. Знаешь, какие у нас врачи?! Ух!

Савельев судорожно сглотнул, что-то неразборчиво булькнул горлом и снова провалился в спасительное забытие, уронив подбородок на грудь.

А меня от Мишкиных слов аж передернуло. Карась искренне верит в то, что говорит. В нестигаемую стойкость советского офицера. А я вот думаю совсем иначе.

Уверен, Савельев рассказал всё. До последней буквы и цифры. Крестовский не оставил бы его в живых и не написал бы на пыльном столе свое издевательское "ШАХ", если бы не получил нужные алгоритмы. Пророк выпотрошил его досуха, сломал психологически и физически. Понимает ли это Савельев? Скорее да, чем нет. Но признаться в том, что слил важную секретную информацию – проще сразу пустить пулю в висок. Так оно быстрее и надежнее будет.

И все-таки... Кому "им"? Неужели помощник шизика засветился на лесосеке? А то, что в штабе по-прежнему кто-то оказывает Крестовскому определенные услуги, сомневаться не приходится. Это я уже давно понимаю. Просто не могу пока уловить, откуда дует ветер. Потому как услуги очень осторожные, почти незаметные. Больше про слив определенных сведений. Но очень важных.

По факту – Карась и Котов последние сутки находились все время рядом со мной. Они точно не могли присутствовать при допросе Савельева. Сидорчук тоже вроде отпадает. Назаров, Борисов – оставались в штабе. Сука, сука, сука! Башка закипает от всего этого дерьма. Хуже нет, чем понимать, что предатель где-то рядом, стоит и дышит в спину. Работает на сраного шизика.

Туман сгустился окончательно. Мы плутали, казалось, целую вечность, пока наконец впереди не появились темные очертания оврага и "полуторка", сиротливо дожидавшаяся нашего возвращения. Бойцы комендантского взвода уже отчалили в Свободу вместе с "эмкой" и трупами. Рядом с машиной ошивался только один сержант, которому было велено следить за автомобилем, пока не появится группа Котова.

Он, судя по всему, за этот час с небольшим успел мысленно накрутить себя до состояния психоза. Все-таки место и атмосфера весьма пугающие. Особенно для молодого, зеленого бойца.

Когда мы, измазанные грязью и кровью, бесшумными тенями вывалились из тумана с носилками в руках, парень от неожиданности чуть не наложил в штаны. Он дернулся, вскинул ППШ. В лесной тишине оглушительно лязгнул затвор.

– Стой! К-кто идет?! – голос сержанта дал петуха.

– Свои, боец. Ствол опусти, пока беды не наделал, – резко ответил Котов. – Группа СМЕРШ. Вернулись.

Сержант судорожно выдохнул, опустил автомат, стер пот со лба.

– Товарищ капитан... Слава богу. А то тут темень хоть глаз коли, да и место такое... гиблое. Командир взвода приказал дожидаться вас и передать, что машина под охраной.

– Молодец. С нами поедешь, подбросим до Свободы, – распорядился Котов, – Сидорчук, Карась – грузите майора. Соколов, помоги.

Ильич и Мишка бережно опустили носилки у борта, а затем аккуратно перенесли пребывающего в глубоком нокауте Савельева в кузов.

– Сидорчук, за руль, – скомандовал Андрей Петрович, – Боец, полезай в кузов.

Карась собирался было перепрыгнуть через борт, но Котов жестко перехватил его за рукав.

– Отставить. Соколов и Карасев Оба – за мной. Быстро.

Мы отошли метров на десять от машины, укрылись за толстым стволом дуба. Темнота здесь была такой плотной, что казалась осязаемой.

Капитан резко развернулся ко мне. Я не видел его лица, только смутный силуэт. Не видел, что он делает. Но уже в следующую секунду понял, ствол ТТ капитана смотрит ровненько в мой живот.

– А теперь слушай внимательно, лейтенант, – голос Котова был тихим, почти ласковым. И эта ласковость пугала, если честно, гораздо сильнее, чем если бы Котов начал орать, – Лимит моего доверия и терпения исчерпан. Там, в лежке диверсанта, было послание, предназначенное тебе. Любопытно, не находишь? С какого перепуга капитан Воронов, с которым вы вроде как впервые увиделись на переправе, передает личные сообщения бывшему шифровальщику. А? Или может все не так однозначно, как нам казалось? Может, ты связан с Пророком? Работаешь на него? Вся эта бомбежка у переправы и чудесное спасение лейтенанта Соколова – всего лишь часть игры?

– Товарищ капитан... – начал было Карась.

Мишка даже сделал шаг вперед, напрягся. Будто на полном серьезе собирался броситься к Андрею Петровичу и не дать тому совершить глупость. Например, продырявить мне печень или селезенку.

– Заткнись, Миша! – рявкнул Котов, не повышая голоса. – Еще одно движение в мою сторону и я выстрелю в обоих. А потом буду разбираться, кто при каких делах тут оказался, и почему ты полез заступаться. Что это за цифры, Соколов? Зачем он написал их для тебя? Почему "ШАХ"?

Я медленно, очень медленно поднял руки, демонстрируя пустые ладони. Мозг работал на запредельных оборотах. Момент истины настал. Давно предполагал, что этот разговор с Котовым состоится. Андрей Петрович – это даже не Карасев с его чуйкой. Пожалуй, я еще долго продержался.

Расскажу правду о будущем, рискую получить пулю как сумасшедший или немецкий шпион-provokator. Думаю, капитан даже не дослушает до конца эту занимательную историю о перемещениях во времени. Вариант чистосердечного признания отменяется. Говорить ВСЕ – нельзя. А вот частично...

Например, выложить ту самую легенду, которую я уже скормил Карасю. И сделать это так, чтобы прожжённый контрразведчик в нее поверил.

– В-094312, – спокойно произнес я, глядя в лицо Котова, которое тускло белело в темноте. – Это мой цифровой криптоним. Индекс для связи по спецканалу. Знают его только три человека в Главном Управлении в Москве. И тот, кто оставил надпись на столе.

Котов не шелохнулся. Ствол пистолета по-прежнему твердо был направлен мне в живот.

– Какой еще, к дьяволу, криптоним? У обычных лейтенантов опергрупп СМЕРШа нет таких индексов. У нас псевдонимы или номера личных дел. И какое ты, Соколов, имеешь отношение к Главному Управлению?

– А я не обычный лейтенант СМЕРШа, Андрей Петрович. И вы это прекрасно поняли с первого дня...

Сделал короткий вдох, будто собираюсь с духом. Не потому, что мне страшно. Крутые спецы Четвертого отдела, коим я себя собираюсь обозначить перед Котовым, не бояться никого и ничего. А вот секретную информацию рассказать, даже своему командиру – дело серьезное.

– Я сотрудник специальной негласной группы по выявлению глубоко законспирированной агентуры противника в высших эшелонах армейского командования. Санкция на работу группы выдана на самом верху.

– Особый отдел? – недоверчиво хмыкнул Котов.

– Выше, – повторил я с нажимом. – Сеть "Пророк" – это не просто диверсанты. Это глубоко законспирированные предатели. Люди с огромными звездами на погонах, которые сливают информацию Абверу. И Воронов – один из ключевых элементов этой сети. Мы пытались вычислить его давно. Он – основной двигатель и локомотив цепочки. Почти вся работа выполняется им. Именно Воронов держит контакты и связи с высшим составом, замешанным в предательстве.

Я высказал все это залпом, но без паники. Спокойно. Опустил взгляд на оружие Котова. Черта-с-два. Ствол по-прежнему упирался мне в живот. Да... Капитан это тебе не Мишка Карась. Его громкими фразами и заявлениями вот так запросто не возьмешь.

– Допустим, – холодно отозвался Андрей Петрович. Пистолет он не опустил, но интонация неуловимо изменилась. Ушла откровенная враждебность. – Про секретные директивы и негласный статус можешь мне лекции не читать. Не первый день на службе, понимаю, как это работает. Без санкции сверху ты бы мне и слова не сказал. Вопрос в другом, лейтенант. Раз у тебя такие строгие инструкции, какого черта ты сейчас передо мной исповедуешься? Что заставило тебя вскрыться?

– То, что я проиграл этот бой, Андрей Петрович, – я не стал юлить, говорил максимально искренне. Тем более конкретно эта часть моей легенды была исключительно настоящей. Реально проиграл, – Моя оперативная комбинация стоила нам кодовых таблиц Генерального штаба.

Котов хмыкнул. В темноте блеснули его глаза.

– Вот оно что. Значит, когда ты стрелял в него у Гнилого колена... Ты ведь видел, что он ушел? Позволил ему уйти?

Это был самый опасный момент. Одно неверное слово, и капитан решит, что я играю за немцев.

– Мертвый Пророк – это финал. Оборвавшаяся цепочка, – у меня было ощущение, будто я иду по минному полю, – А я должен вскрыть всю сеть. Понять, с кем он контактирует в Свободе. Рассчитывал, что, будучи официально мертвым, сволочь расслабится и выйдет на связь с остальными членами сети. Особенно с тем, кто еще остается в Ставке. И тогда мы возьмем обоих. Недооценил. Воронов перешел в автономный режим, вычислил Савельева и нанес удар. А эти цифры на столе... Это его личный вызов. Он опознал меня. Вычислил по почерку работы. Мы из одного ведомства, Андрей Петрович, нас учили в одних стенах. И Воронов – сильный профессионал. Теперь, чтобы его остановить, мне нужна ваша помощь, командир.

– Андрей Петрович, это правда, – внезапно подал голос Карасев. Он стоял чуть сбоку, напряженный как струна.

Честно говоря, лучше бы старлей конкретно сейчас ничего подобного не говорил. Котов медленно повернул голову к Мишке, посмотрел на него так, что даже в темноте я почувствовал, насколько сильно злится Андрей Петрович.

– Ты знал? – капитан, похоже, реально нас обоих пристрелит.

– Догадывался сначала, – хмуро ответил старлей. – А после того, как мы Мельникова убили, Алексей все рассказал. Командир, вы сами подумайте! Соколов же всё это время вытягивал нашу группу. Он улики видел там, где мы слепыми котятками тыкались. Экспертизы эти его, выводы... Да ни в одном институте такому не учат! Он профессионал, командир. Чистой воды профессионал. И будь лейтенант предателем, разве добились бы мы тех результатов, что у нас имеются? Вспомните. Сначала поезд спасли. Тот, что командующего фронтом. Потом генерала Казакова. Мельникова раскрыли. До Воронова добрались. Так-то, если по полочкам разложить, все это было сделано только с помощью нашего лейтенанта. Не предатель он, Андрей Петрович. Зуб даю! Слово свое! Вы же меня знаете.

Капитан молчал несколько долгих секунд. Я слышал его тяжелое дыхание. В голове Котова сейчас со скрипом проворачивались шестеренки, сопоставлялись факты. Странности моего поведения, необычные для простого шифровальщика навыки, все те удачные и неудачные эпизоды, которые у нас были. Криво, жестко, но картинка более-менее должна сложиться. Иначе мне трывдец.

– Хорошо, – Котов медленно опустил пистолет, в кобуру убирать не стал. – Допустим, я поверил. Но ответь мне на один вопрос, лейтенант, или кто ты там по званию... Если Пророк жив, значит, шифры уже сейчас могут быть у немцев. А мы стоим в лесу с избитым до полусмерти майором на руках. Теперь-то что?

– Не факт, что у немцев, – возразил я. – Пророку нужно время, чтобы перейти линию фронта. Или время, чтобы передать информацию по радию.

Котов сунул пистолет в кобуру, сделал шаг ко мне, сгреб за грудки, посмотрел прямо в глаза.

– Значит так, Соколов. Здесь и сейчас ты – лейтенант моей группы. Еще раз солжешь или утаишь информацию – я тебя лично расстреляю. Без суда. Понял меня? Секретная информация для вышестоящих чинов – на здоровье. Но у нас тут посерьезнее дело. Есть выжив-

ший предатель и есть его подельник в Ставке. Вот с этим мы разберемся. А дальше... Дальше посмотрим.

– Понял, Андрей Петрович.

– Теперь слушайте оба. Официальная версия, – Котов мрачно, исподлобья глянул на меня, потом на Карася. – Мы шли по следу. Обнаружили лесосеку и Савельева. Портфель враг забрал с собой. Никаких цифр на столе. Никакого выжившего Воронова. Савельев спасен. Точка.

– Андрей Петрович, – я с трудом сдержал вздох облегчения. – Мы вряд ли долго сможем скрывать правду.

– А долго и не придется. Найти Воронова надо очень быстро. Найти и предъявить комиссии, – отрезал Котов. – Пока выиграем время. Если мы скажем, что Пророк жив, нас арестуют прямо во дворе Управления, расследованием займется тот же самый Литвин. А он уже уже доказал свою полную профнепригодность. Полковнику надо отчитаться в Москву о быстро проделанной работе. И все.

– Согласен, – кивнул Мишка, в его голосе прорезались знакомые блатные интонации. – Порвем гниду. За всё спросим.

– В машину, – скомандовал Котов. – Время поджигает.

Глава 2

В Свободу мы въехали уже ближе к полуночи. Первая точка остановки – госпиталь. Учитывая состояние офицера Генштаба, который дышал слишком громко и слишком часто, это был самый разумный шаг. Сначала надо разобраться с раненым, а потом мчаться в Управление. А то, пока будем бегать по инстанциям и докладывать начальству, основательно избитый майор просто склеит лапы прямо в кузове.

– Я тут подумал, лейтенант, – тихо высказался Карась, осторожно поглядывая в сторону бойца комендантского взвода, который сидел рядом с нами, но упорно делал вид, будто не обращает внимания на разговоры старших по званию, – Савельев видел того, кто все это организовал. Однозначно запомнил приметы.

– Так... И? – я вынырнул из своих нерадостных размышлений, пытаюсь понять, к чему ведет старлей.

А размышления реально были нерадостные. Чертов шизик упорно не шел из головы, что, в принципе, вполне понятно. Никак не могу уловить логику его действий. Сначала думал, главная цель – сорвать Курское наступление. Сейчас не уверен. Колокол еще этот чертов. На хрена он тут? Что задумал Крестовский на самом деле?

Еще, конечно, волновал вопрос – как долго смогу водить за нос Котова? Капитан вроде бы повелся на мою версию о спецзадании, но считать Андрея Петровича идиотом – рискованно. Если мы не разберемся с Крестовским в ближайшее время, у контрразведчика с опытом могут появиться дополнительные вопросы.

– Что "и"? – тихонько хмыкнул Карасев, – Как только заговорит, сразу опишет Воронова. Думаешь, Литвин два и два не сложит? Мы тут убили доказывать, что Пророк мертв, а он окажется живее всех живых. Вот это фокус.

– Ты вот о чем... – Я усмехнулся, покачал головой.

Естественно о подобной перспективе мне тоже думалось по дороге. Опишет. Когда придет в себя. Вот только не факт, что его тоже особо будут слушать. Так-то первым делом Савельева хорошенько самого потряхнут на предмет предательства. Ну и потом, Котов прав. До этого момента нам кровь из носу надо найти шизика. Когда гнида будет в наших руках, уже ничего не испортит триумфа.

Я хотел ответить Мишке, но в этот момент машина остановилась. Сержант комендатуры завозился, закричал, встал на ноги. Продолжать и дальше вести в его присутствии разговоры подобного толка, даже шепотом, – рискованно. Да и Котов уже выбрался из кабины.

– Врача ко мне! Живо! – рявкнул Андрей Петрович на весь двор.

Суета поднялась знатная. Взметались курившие на улице санитары, забегал персонал. Через пару минут на крыльцо выскочил доктор Тимошин – практически мой личный эскулап. Он замер рядом с "полуторкой", посмотрел на Савельева, многозначительно что-то промывчал. Видимо, это можно расценивать как первичный осмотр. И результат совсем не утешительный.

– В операционную его, быстро! – скомандовал военврач санитарам. Затем бросил быстрый взгляд на меня. – О, лейтенант. Рад приветствовать. Поздравляю, паршиво выглядите. Так понимаю, вас сегодня можно ждать на перевязку пораньше? До утра рекомендую не затягивать. Лицо бледное как мел, испарина, плечо перекошено. Рану растревожили, так ведь? Кровит?

– Есть такое, доктор, – согласился я.

– Вот и прекрасно, – заявил Тимошин, а затем, как ни в чем не бывало, снова уставился на Савельева.

Нравится мне этот медицинский юмор. Товарища военврача веселит мое хреновое состояние. Ну или у них нарисовался очередной спор с коллегами.

– Жить будет? – хмуро спросил Котов.

– Кто? Ваш лейтенант? – искренне удивился доктор, – Конечно будет. Но не факт, что долго и не факт что в полной боевой комплектации.

– Да нет, товарищ хирург, я о майоре, – Андрей Петрович кивнул на Савельева.

– Ааааа... Вы об этом. Если внутренние органы целы – поднимем на ноги. Ребра точно сломаны, зрачки ни на что не реагируют... Гарантировать ничего не могу, товарищ капитан, но сделаю всё, что в моих силах.

Тимошин развернулся и побежал вслед за санитарями, которые потащили носилки в госпиталь.

Котов закурил, подумал несколько секунд, затем позвал Сидорчука и бойца, который прибыл с нами.

– Значит так... Оба остаетесь здесь. От раненного не отходить ни на шаг. Охранять как зеницу ока. Внутри пускать только Тимошина. Если кто посторонний сунется, даже с генеральскими погонами или мандатами из Москвы – стрелять на поражение. Ясно? До моего личного распоряжения.

– Есть! – кивнул Ильич без лишних уточнений.

Он тут же нырнул в кабину, вытащил свою винтовку и направился ко входу в госпиталь. Молоденький сержант двинулся вслед за Сидорчуком.

– Машину оставляем здесь, – скомандовал капитан, бросив взгляд на нашу изгвазданную в грязи "полуторку". – Карасев, Соколов – за мной. До Управления минут пять-семь ходу. Бегом!

Спорить никто не стал. Мы сорвались с места и рванули прямо по темной улице.

Бежать трусцой с растревоженным плечом – то еще удовольствие. Рана отдавалась тупой, дергающей болью при каждом шаге, но я стискивал зубы и старался не отставать от Котова с Карасем. В итоге оказались мы возле Управления гораздо быстрее, чем прикидывал капитан.

Внутренний двор бывшей школы напоминал растревоженный муравейник, в который с размаху сунули палку да еще и провернули пару раз для верности. Десятки машин, снующие туда-сюда вооруженные бойцы комендантских взводов, рычание моторов, резкие команды, перекрывающие гул. В общем, рабочая обстановка. Только еще ощутимо сдобренная тревогой и ожиданием.

Стоило нам остановиться напротив входа, в нашу сторону тут же двинулись двое.

Впереди вышагивал Белов. Лицо Никиты Львовича было землистого цвета, с глубокими тенями под глазами. Генерал по-моему готовился похоронить свою последнюю нервную клетку.

А вот семенящий рядом с ним полковник Литвин, напротив, выглядел подозрительно спокойным. Желтушный всеми силами изображал на лице скорбь и праведный гнев, но в его взгляде, который он упорно пытался спрятать, я заметил торжество. Думаю, Литвин по нашим не самым счастливым лицам и отсутствию Савельева сообразил, что все пошло куда-то не туда. Возможно даже подумал – Савельев мертв.

– Докладывайте, Котов! – с ходу начал Белов, не дожидаясь, пока мы выстроимся по уставу. – Где майор? Где диверсант? И самое главное – где документы?!

Андрей Петрович вытянулся по стойке смирно, приложил руку к козырьку.

– Товарищ генерал-майор, доклад по результатам поисковых мероприятий. Группа вышла на лежку противника в районе заброшенной лесосеки. Майор Савельев обнаружен живым, но со следами жестоких побоев. Находится в бессознательном состоянии. По пути следования нами было принято решение экстренно доставить его в госпиталь. Майор передан медицинской службе, выставлен вооруженный пост из двух человек.

– Да к черту майора! – вмешался Литвин, хотя это было вопиющим нарушением субординации. Похоже, фанатичное желание повесить всех собак на нас и заодно спасти свою шкуру, напрочь отбили у него остатки уставного такта, – Портфель где, капитан?! Коды где?

Белов недовольно поморщился из-за столь откровенной наглости полковника, но промолчал. От ответа Котова зависело слишком многое. Если не все. Поэтому Никита Львович предпочел проигнорировать хамство ниже стоящего по званию. Но при этом быстрый взгляд в сторону Желтушного я, например, все же заметил и оценил. Думаю, когда комиссия вернется в Москву, Литвину придется многое объяснить. И объяснения эти будет слушать далеко не Белов.

А вообще, за минувшие несколько дней я пришел к выводу, что товарищ отца Соколова – вполне нормальный мужик. Возможно, это его и погубит. Хороший человек не всегда хороший командир, а хороший командир – как правило редко бывает хорошим человеком.

– Диверсант успел скрыться до нашего прибытия, – Котов даже глазом не моргнул. Он продолжал смотреть исключительно на Белова, – Портфель с шифрами и кодовыми таблицами противник забрал с собой. Осмотр места происшествия результатов не дал. Никаких следов, указывающих на направление отхода, в связи с погодными условиями и темным временем суток, обнаружить не удалось.

Повисла тишина. Белов сделал шаг назад, тяжело оперся рукой о дерево, стоявшее рядом. Я бы сказал, что в этот момент у него почва ушла из-под ног, но тут не до литературных оборотов. На самом деле думаю, у Никиты Львовича реально прихватило сердце. Он как-то тревожно потянулся к воротнику кителя, несколько раз хапнул ртом воздух.

– Товарищ генерал-майор, – Андрей Петрович с тревогой посмотрел на Белова, – Воды, может?

Никита Львович отрицательно качнул головой. Мол, какая, к чертовой матери, вода. Яду дайте.

– Упустили... – с налетом театральной патетики протянул Литвин И тут же сорвался на крик: – Вы понимаете, что наделали?! Это трибунал! Это расстрел! Товарищ генерал-майор! – он обернулся к Белову. – Требую немедленного ареста всей группы! Я еще днем говорил, дело здесь нечисто. Уверен, они специально тянули время в лесу, чтобы дать убийце уйти! Это саботаж!

– Уймись, Литвин, – поморщился Белов, одной рукой расстегивая верхнюю пуговицу. – Какой саботаж? Савельева живым вытащили...

И тут в моей голове щелкнуло. Я вдруг понял, как можно даже эту поганую ситуацию использовать сейчас во благо себе. Во благо нашей группы, чтобы хоть какое-то время нас никто не дергал и мы спокойно разобрались с шизиком.

Вышел из-за спины Андрея Петровича, шагнул к Белову.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор! – говорил спокойно, как человек, уверенный в своей правоте.

Никита Львович нахмурился. В его взгляде отчетливо мелькнуло волнение. Он словно молча советовал мне не лезть на рожон. Нет уж. Такую возможность я не собираюсь упускать. Истеричный Литвин сам дал ее в руки. У меня, кстати, к Желтушному тоже имеются вопросы. Слишком уж он настойчиво тычет пальцем в нашу сторону. Прямо подозрительно.

– Никакого саботажа со стороны группы не было, товарищ генерал-майор. Была четкая, отлаженная работа по следам, которые диверсант оставил, – я смотрел прямо на Белова, – Позвольте обратить ваше внимание на один важный факт. Операция по захвату Савельева планировалась не в полях, где работает наша группа. Она планировалась в кабинетах.

Стоило мне произнести последнюю фразу, Карась стоявший рядом, тихо, но очень выразительно хмыкнул. Это был "хмык" полнейшей поддержки.

– Что ты несешь, лейтенант?! – взвился Желтушный, – Какие кабинеты?!

– Не знаю, товарищ полковник, – Я повернулся к Литвину, – Московские, наверное. Диверсант, который брал Савельева, действовал максимально точно. Он знал время прибытия. Напомню, что эта информация, как и статус офицера Генштаба, здесь, в Ставке, была известна

только если командующему фронтом. Кроме того, диверсант знал, что именно везет майор Савельев. Такое невозможно высмотреть в бинокль из кустов. Утечка произошла до того, как секретноноситель покинул Москву. И произошла она в Москве. Странная закономерность. Как только к нам в Ставку начали ездить комиссии, предатели повалили со всех щелей. Сначала майор Мельников. Он же ваш коллега. Верно? Потом вылез Воронов. Следом приезжаете вы и что мы получаем? Очередную диверсию.

Это, конечно, был очень рискованный шаг с моей стороны. По сути я открытым текстом обвинил полковника в причастности к работе диверсантов. Но... Чуйка, а я ей привык доверять, настойчиво шептала, что заткнуть Желтушного можно только так. Страхом. Чтобы он начал заморачиваться не попытками загасить группу Котова, а искренним желанием отмазать свою задницу.

– Ты... – У Литвина так смешно вытянулось лицо, что я еле-еле сдержал ухмылку, – Ты, лейтенант, смеешь обвинять комиссию...

– Никак нет, товарищ полковник, – Я с искренним выражением дебиловатой глупости уставился на Литвина, – Исключительно констатирую факты. Давайте вспомним хронологию. Приезжает первая московская комиссия. И вместе с ней в штабе фронта появляется майор Мельников. Который оказывается предателем и агентом Абвера. Мы его ликвидируем. Приезжает вторая московская комиссия... И у нас прямо из-под носа уводят секретные коды Генерального штаба. Удивительное совпадение, не находите? Может, хватит искать виноватых среди тех, кто по уши в грязи ползает под пулями, и пора проверить тех, кто громче всех кричит о трибуналах, имея при этом доступ к секретной документации?

Тут даже Котов прихренел. А уж он от меня чего только не видел.

– Соколов... – начал было Андрей Петрович, однако, закончить ему не дали.

– А лейтенант-то дело говорит. Поспорить сложно.

Голос раздался прямо за нашими спинами. Негромкий. Но я его, к примеру, сразу узнал. Встретаться мне с этим человеком приходилось лишь единожды, как только попал в Управление, однако характерные басовитые нотки запомнились очень хорошо.

Все присутствующие резко обернулись и вытянулись в струнку. Даже Белов.

Рядом с нашей дружной компанией стоял Александр Иванович Вадис. Начальник Управления СМЕРШ Центрального фронта. Хозяин этой территории. Жесткий и крутой мужик, который, по слухам, любых московских проверяющих терпеть не может. Считает бездарями, не желающими воевать. Думаю, именно по этой причине с первого дня появления комиссии Вадис старался с ними не пересекаться без необходимости. Чтобы к черту не послать.

Литвин мгновенно сдулся, словно лопнувший воздушный шарик.

– Товарищ генерал-майор... – начал было он.

– Вы, полковник, – Вадис небрежно ткнул пальцем в сторону остолбеневшего Литвина, – Рот бы свой прикрыли. Еще один вопль про трибунал, и я вас самого в подвал отправлю. За истерику и паникерство. У нас тут не Большой театр, чтобы сцены разыгрывать. В последние сутки только вас и слышно на все Управление. То в одном углу орете, то в другом. Нет сил больше делать вид, будто я этого не слышу.

Желтушный судорожно сглотнул, лицо его приобрело землистый оттенок. Спорить с Вадисом на его территории было сродни самоубийству.

Московская комиссия – это, конечно, грозно. У них мандаты, полномочия и связи. Но вся их власть – бумажная, кабинетная. А Вадис здесь – царь, бог и воинский начальник в одном лице. За его спиной реальная сила. Тысячи вооруженных оперов, заградотряды, комендантские взводы и следственные изоляторы. Он подчиняется напрямую только двум людям – Абакумову в Москве и командующему фронтом Рокоссовскому здесь. Захочет Александр Иванович прямо сейчас шлепнуть на зарвавшегося полковника клеймо паникера, саботажника или

пособника диверсантов – кинет в подвал, и ни одна собака пикнуть не посмеет. До столицы с ее покровителями далеко, а расстрельная стенка – вот она, в тридцати метрах за углом.

Вадис перевел тяжелый взгляд на Белова. Тон его чуть изменился, перестал быть открыто грозным, но раздражение в голосе никуда не делось...

– Никита, мы с тобой не первый год знакомы, – негромко произнес начальник фронтового СМЕРШа. – Я в работу твоей комиссии принципиально не лезу. Знаю, что ты человек ответственный, с головой на плечах. Думал, сами тут разберетесь тихо-мирно. А что по итогу вижу? Твои столичные полковники мне боевых оперативников с ходу в предатели записывают?

Белов тяжело вздохнул, отвел взгляд. Ему явно было стыдно за поведение подчиненного, но и возразить он не мог. Сказано все по делу.

– И кого записывают? – Вадис повысил голос, кивнул на нашу троицу. – Группу, которая спасла самого Рокоссовского от подрыва в поезде? Которая генерала Казакова из-под носа у диверсантов живым вытащила? У тебя, Никита, подчиненные совсем соображать перестали? А может, товарищу полковнику, – Александр Иванович перевел тяжелый, немигающий взгляд на Литвина, – Может, ему пора сменить погоны и место службы? Переведем в пехоту, в окопы, под пули. Глядишь, там быстро научат, как к фронтовикам нужно относиться.

Желтушный втянул голову в плечи так, что, казалось, она сейчас буквально всосется в остальное тело.

Вадис тем временем переключился на Котова.

– Группе объявляю благодарность за спасение офицера связи. Привезли живого – это хорошо. Врага упустили – плохо. Но лейтенант абсолютно прав, диверсант шел по наводке. С этим мы будем разбираться отдельно. Очень тщательно разбираться. С каждым, кто имел хотя бы отдаленное отношение к ситуации.

Начальник фронтового СМЕРШа многозначительно посмотрел на потеющего Литвина. У полковника не просто перекошило лицо от этого взгляда. Он готов был провалиться сквозь землю, лишь бы оказаться подальше от Вадиса и от Ставки.

– Александр Иванович, – подал голос Белов, – Но шифры... Они попадут к немцам...

– Уже попали, Никита Львович. Если этот ваш неуловимый диверсант не идиот, они уже у немцев, – Вадис достал из кармана галифе папиросу, чиркнул спичкой. – Только толку от них фашистам теперь – как от козла молока.

Мы с Котовым переглянулись. Александр Иванович затаился, выпустил струю дыма в ночное небо.

– Как только поступил сигнал о пропаже машины Савельева, я лично доложил командующему фронтом Константину Константиновичу Рокоссовскому. Решение принято мгновенно. Фронт переведен на резервные таблицы связи. Старые частоты и шифры аннулированы почти два часа назад. Приказы дублируются проводной связью и конными вестовыми. На всех дорогах выставлены заградотряды НКГБ. Режим полной изоляции. Так что эти украденные коды теперь – просто набор бесполезных цифр.

Вадис еще продолжал говорить, а у меня внутри что-то екнуло. Он ведь прав! На кой черт шизик коды? Крестовский изначально понимал, все руководство Ставки в критической ситуации будет действовать соответственно инструкции. Не мог не понимать. Он знал, что все шифры обнулятся. А значит – что? Нас снова пытаются водить за нос? Меня пытаются водить за нос. Опять дымовая завеса, за которой шизик планирует что-то гораздо более важное?

– Группе отдыхать. Котов, жду вас у себя через час с подробным письменным рапортом, – скомандовал Вадис. – Никита Львович, пойдете к связистам. Надо проконтролировать процесс перехода. А вы, товарищ Литвин, посидите пока в своем кабинете. Подумайте над словами лейтенанта. Охрана! Проводите полковника.

Это был даже не щелчок по носу. Это был полный, стопроцентный нокаут. Двое автоматчиков комендантского взвода тут же пристроились по бокам от Желтушного, и тот, опустив плечи, побрел в сторону здания.

Глава 3

У нас был ровно час, чтобы отчитаться о случившемся и подать рапорты Вадису. Поэтому, не тратя время зря, мы дружно рванули в оперативную комнату и с ходу взялись за писанину. Скрипеть перьями приходилось очень бодро. Генерал обозначил время, к которому должны явиться к нему в кабинет. Тут – как хочешь, но успевай.

Света единственной тусклой лампочки едва хватало, чтобы разобрать строчки на серой, рыхлой бумаге.

Котов, как всегда, глухо матерился сквозь зубы. Его ненависть к канцелярской работе перекрывала сейчас всю ситуацию в целом. Он то и дело макал перо в чернильницу, с таким остервенением, будто пытался проткнуть дно стеклянного пузырька. Вымарывал целые абзацы и начинал заново.

– ...в квадрате заброшенной лесосеки... Тьфу, пропади ты пропадом! – бубнил командир, яростно царапая бумагу. – ...обнаружен в бессознательном состоянии со следами множественных физических воздействий... Да кто эти формуляры придумывает? Вредители штабные. Надо писать прямо, конкретно – морду в кровавое месиво человеку превратили.

Андрей Петрович раздраженно зачеркнул написанное. Макнул перо, посадил на край бланка жирную кляксу, выматерился.

– ...ввиду сложных погодных условий и темного времени суток преследование противника не увенчалось... Не увенчалось! Хрен нам на нос и на воротник. Не увенчалось... Ушел гнида с портфелем, пока мы грязь месили!

Карасев расположился напротив. Старлей высунул кончик языка от усердия и старательно выводил каллиграфические буквы. В отличие от Котова, Мишка трудился над отчетом молча.

Я тоже писал рапорт. Старался, чтобы строчки выходили ровные, но они предательски ползли вниз. Плечо дергало тупой, пульсирующей болью, отдающей в ключицу при каждом движении кисти. На лбу выступила холодная испарина.

Мозг, вопреки физической измотанности, продолжал активно перерабатывать информацию. События последних суток крутились в голове бесконечной каруселью, но отдельные элементы этой картины никак не желали вставать на свои места. Зачем Шизику нерабочие коды? Вопрос на миллион.

Внезапно дверь распахнулась, без стука. В кабинет стремительным шагом вошел майор Назаров.

Котов мгновенно бросил ручку, отодвинул стул, начал подниматься. Мы с Карасевым последовали его примеру.

– Сидеть, – отрывисто скомандовал Сергей Ильич, падая на свободный табурет. Выудил из кармана папирасы, закурил. – Ну что, орлы. Александр Иванович осадил столичных гостей. Аж на душе хорошо стало...

Назаров с наслаждением выпустил густую струю дыма в потолок.

– Товарищ майор, – Котов с усмешкой посмотрел на начальника отдела, – Разрешите спросить. Это вы наше руководство подключили?

Сергей Ильич еще несколько раз затянулся, хитро глянул на капитана.

– А ты как думаешь, Андрей Петрович?

– Думаю, так и есть.

– Верно! – майор стукнул кулаком по столу, – У нас тут война, враг со всех щелей лезет, а какой-то московский хлыщ, который фрицев и в бинокль не видал, будет моих оперативников под трибунал пихать. К стенке-то всех поставить можно. Дело недолгое. А фашистов кто будет бить? Пушкин?

Майор резко замолчал и посмотрел на стену комнаты. Там, будто по заказу, висели портреты литературных классиков. В том числе – упомянутый Александр Сергеевич. Похоже, раньше в оперативной комнате был кабинет русского языка.

Несколько секунд мы дружно пялились на светило русской поэзии. Затем снова повернулись к Назарову.

– Литвина отправляют в Москву, – сообщил он настолько довольным голосом, что это даже было как-то неприлично. – Вадис принял окончательное решение. Наш горластый полковник завтра утром отбывает прямиком в столицу. С почетным эскортом и вооруженным конвоем. Повезет промежуточный отчет о работе комиссии.

– Выперли-таки? – Карась не удержался от мстительной усмешки.

– Доверили важное поручение, Миша, – поправил его Назаров. – Причем обставили все так грамотно, что тот даже пикнуть не посмел. Поедет в столицу с уже имеющимися данными по расследованию. Доставит предварительный отчет руководству ГУКР. Подальше от передовой, поближе к начальственным кабинетам. Вадис решил разом убить двух зайцев: и от паникера избавиться, и высокому руководству кость бросить.

Котов нахмурился, отодвинул исписанный лист.

– Кость? О чем вы, Сергей Ильич? С какими данными он поедет? У нас из результативной работы только показания свидетелей да несколько фактов, подтверждающих предательство Мельникова.

– Не прибедайся, Андрей Петрович, – Назаров перевел взгляд на массивный железный сейф. – У нас есть кое-что посерьезнее. Те самые бумаги. Чертежи и схемы, которые вы изъяли в Воронеже.

У меня внутри все резко сжалось до маленького ледяного комочка. Твою мать! Уже? Думал, как минимум есть несколько дней, чтобы решить вопрос с Колоколом.

– Я отчитался Александру Ивановичу о найденных схемах. Он приказал передать весь пакет документов генералу Белову прямо сегодня ночью, включая чертежи, – продолжал майор. – Никита Львович их изучит, опечатает в спецхран и передаст Литвину. Завтра утром эта макулатура уедет на Лубянку. Там, в закрытых НИИ при наркомате, сидят умники. Вот пусть академики и разбираются, что за вундерваффе немцы собирались строить. Для Белова это шикарный трофей. Найдены секретные технические разработки противника. И волки сыты, и овцы целы.

– Толково, – кивнул Котов, соглашаясь с логикой начальства. – Значит, снимаем с себя ответственность за эти ребусы. Пусть голова болит у столичных инженеров.

– Именно, – Назаров поднялся, стряхнул пепел мимо пепельницы. – Заканчивай с писаниной, Андрей. Бери черновики рапортов, доставай все документы из сейфа и дуй ко мне. Белов скоро подойдет. Сдадим бумаги по описи, оформим акт передачи, и пусть Литвин катится с ними хоть к дьяволу в пекло.

– Понял, Сергей Ильич. Пять минут, – Котов вытащил из-под гимнастерки шнурок с ключом.

– Жду, – майор развернулся и вышел в коридор, оставив нас переваривать услышанное.

Капитан торопливо пробежал глазами свой рапорт, поставил размашистую подпись. Подошел к железному ящику. Два оборота ключа – тяжелая дверца со скрипом отворилась. Котов извлек схемы Колокола, сунул их под мышку, захватил со стола листы.

– Дописывайте, – бросил он нам с Карасем. – Я к Назарову. Сдам эти бумаги и вернусь. Без меня никуда не расходиться.

Дверь за Котовым закрылась.

Я откинулся на спинку стула. Замер, таращась на сейф.

Перьевая ручка Карасева монотонно скребла по листу. Мишка снова приступил к отчету. Но этот неприятный звук ушел куда-то на задний план. Стал фоном. В моей голове запустилась

обратная перемотка событий. Детали, казавшиеся разрозненными, начали цепляться друг за друга зубьями невидимого механизма.

Зачем Крестовскому воровать шифры?

Любой желторотый курсант знает алгоритм действий при компрометации связи. Протоколы меняются немедленно. Фронт переходит на резервные частоты. Пророк, обладая знаниями из двадцать первого века, изучил архивы вдоль и поперек. Уж он-то советские военные инструкции понимает превосходно.

Следовательно, кража кодов – фальшивка. Громкий хлопок, который заставил охрану моргнуть и отвернуться.

Что произошло сразу после исчезновения Савельева? Вадис резво взялся спасать координату войск. Возникла суматоха. На фоне хаоса комиссия из Центра оказалась в крайне унижительном положении. Они приехали выявлять врагов, но прозевали вражеского агента у себя под носом. По факту – допустили утечку стратегической информации.

За подобный провал по головке не гладят. Возвращаться на Лубянку с пустыми руками – равносильно самоубийству.

Требовалось оправдание. Трофей, способный перевесить потерю шифров. Грандиозный успех, который можно кинуть на стол начальству, выторговав себе прощение.

Чертежи! Вот он, тот самый аргумент.

Белов, спасая репутацию своего ведомства, ухватится за документы мертвой хваткой. Опечатанная папка станет для московской комиссии спасательным кругом. Литвин лично повезет технологии будущего в столицу, обнимая портфель обеими руками.

Я не удержался и тихонько хохотнул вслух. Не потому что сама ситуация веселая. Думаю, это нервное.

Чертов шизик решил использовать комиссию как доставщика пиццы. Очень опасной пиццы. Он заставил систему работать на себя. Что может быть надежнее в качестве "голубиной почты", чем полковник ГУКР? Литвин доставит схему Колокола в Москву быстро и супернадежно. Более того, чтобы отвлечь внимание о провала в работе комиссии, максимально поднимет шум вокруг добытых чертежей. Соответственно, маховик закрутится моментально.

Черт... Если схемы уедут из Свободы, думаю, работу с Колоколом начнут прямо в тот же день, как только они попадут в Москву. Вот тебе и ответ. На хрен шизики не нужны эти коды. Ему была нужна сама ситуация, чтобы заставить руководство СМЕРШ действовать определенным образом.

– Миша, – я посмотрел на Карасева, который заканчивал очередной абзац своего отчета, – Пойдем-ка на улицу, перекурим.

Карась оторвался от рапорта. Посмотрел на мое бледное лицо, на свежую испарину. Чуйка старлея сработала мгновенно. Он понял, дело не в перекуре. Так-то ничто не мешает нам дымить прямо в комнате. Случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Идем, – коротко кивнул Карасев.

Мы вышли во внутренний двор Управления. Я промаршировал до самого дальнего угла, под крону старой липы.

Карасев достал мятую пачку "Беломора", выудил две папиросы. Протянул одну мне, чиркнул спичкой, пряча пламя в ладонях.

– Вываливай, лейтенант. У тебя рожа такая, будто ты самого Гитлера увидел. Что стряслось?

Я глубоко затянулся, тут же закашлялся. Едкий дым обжег легкие, помогая сосредоточиться.

– Нам нужно выкрасть чертежи, Миша. Эти бумаги не должны уехать завтра в Москву с Литвиным.

Карась замер. Папироса застыла в миллиметре от его губ. Он смотрел на меня так, словно я сообщил ему, что земля плоская и стоит на трех слонах.

– Ты совсем рехнулся? – спокойно поинтересовался старлей, хотя, судя по выражению Мишкиного лица, ему было очень беспокойно, – Уничтожить схемы, найденные у врага?! За это к стенке поставят без разговоров! Трибунал, Соколов! Расстрел!

– Поставят, согласился я, – Если поймают. Но выбора нет.

– Да пошел ты! – Мишка зло сплюнул под ноги. – Я на этот блудняк не подпишусь. Ты свою игру ведешь. У тебя за спиной Судоплатов и Абакумов. А мне жить охота. Да и крысятничать тоже не буду. Котов за меня поручился, из дерьма вытащил. А ты предлагаешь его под монастырь подвести? Ищи другого дурака.

Карась резко развернулся, намереваясь уйти обратно в здание.

Я шагнул наискосок, перегораживая ему дорогу.

– Да погоди ты. Голову включи, оперативник. Никто Андрея Петровича подставлять не собирается. Раскинь мозгами. Котов сейчас у Назарова. Сдает чертежи вместе с прошлыми отчетами по всей форме. Опись, подписи, передача с рук на руки.

– И что? – огрызнулся старлей.

– А то. Генерал Белов эти документы изучит, упакует и сургучной печатью шлепнет. После чего передаст папку Литвину, который распишется в получении. Все. С этого момента бумаги официально находятся у московского проверяющего. Андрей Петрович к ним больше не имеет отношения. За сохранность груза отвечает лично полковник Литвин. Если немецкие схемы бесследно исчезнут, вопросы будут только к Литвину.

Мишка шумно выдохнул. Его физиономия выглядела уже не столько категорично. Но при этом, старлей пока не понимал, на кой черт мне дались бумаги, найденные в Воронеже.

– Миша, вспомни свою прошлую жизнь, – начал я с другой стороны.

– Ну ты даешь, лейтенант, – Карась покачал головой и усмехнулся, – Вспомни... Наоборот, стараюсь про нее забыть.

– Нет, погоди. Дослушай. Представь картину. Идет фраер по рынку. Из заднего кармана брюк торчит жирный, набитый купюрами лопатник. Прямо напоказ выпирает. Ты полезешь за этим кошельком?

Карась нахмурился.

– Только полный кретин полезет. Это подстава. Ловля на живца. Легавые так работают. Или чужие щипачи поляну чистят. Кошелек специально светит, чтобы дурака на горячем взять.

– Вот именно! – я подался вперед. – Воронов подкинул нам ключ от тайника. Оставил лопатник торчать из кармана! Он хотел, чтобы мы нашли эти чертежи. И Котов клюнул. Андрей Петрович нашел вещдок – спрятал в сейф. Зарегистрировал. Сейчас он передаст их Назарову, а тот – Белову.

Старлей напрягся. Он слушал внимательно, ловил каждое слово.

– А теперь подумай, что будет дальше, – я продолжил давить фактами, выстраивал для Карася понятную схему. – Бумаги приедут в Москву. Литвин сдаст их в закрытый НИИ. Начнется работа. И тут возникает вопрос. Зачем фрицам руками Воронова передавать схемы какой-то приبلуды? А что, если это опасная для Союза вещь? Что, если это какая-то особая бомба замедленного действия. Сам знаешь, как быстро все делается в кабинетах, если надо показать результат. Месяц-два и проект вполне может заработать. А потом, к примеру, эта хреновина взорвется и разнесет половину Москвы на запчасти. Вместе с руководством партии.

– Твою мать... – произнес Мишка вслух, в его взгляде появилось сомнение. – Есть, лейтенант, в твоих словах толк...

– Нам надо выкрасть чертежи и уничтожить их, – категорично заявил я, – Ну или, как минимум, спрятать. Показать тому, кто разбирается, а потом думать, что с этим делать. В иде-

але – передать моему руководству. Уж они-то точно выяснят, что к чему. Но сделать это официально, как понимаешь, не могу.

Конечно, насчет "показать" я знатно привирал. Как и насчет руководства. Чего там показывать? И так знаю, что за приبلуда изображена на схемах. Однако для Карасева мои доводы должны звучать логично.

Старлей молчал несколько минут, оценивая предложенную авантюру. Воровской ум прикидывал все риски. Я терпеливо ждал. От решения Караса слишком многое зависит. Давить нельзя.

– Где комиссию на постой определили? Знаешь? – спросил, наконец, Мишка.

– В гостевом флигеле. Второй этаж.

– Гиблое дело, – Карась поморщился. – У двери часовой торчит. Плюс по коридору пара бойцов из комендантского взвода топчется. Полезем через окно – двор просматривается. Одно неверное движение, и всадят пулю прямо в задницу. А потом еще объяснять придется, какого черта мы там забыли. Нет, не катит. Да и вообще... Если документы пропадут в Свободе... Вадис весь штаб перевернет. Нужно сделать так, чтобы Литвин только в Москве хватился.

– Значит, изымать будем в пути, – категорично заявил я. – В поезде.

Старлей прищурился, оценивая перспективу.

– В вагоне суеты меньше, зато контроль жестче, – Мишка потер небритый подбородок. – Отдельное купе в литерном составе. Охрана под дверью. Просто так не зайдешь.

– Справишься?

– Обижаешь, – Карась усмехнулся, однако тут же помрачнел. – Другая проблема вырисовывается – командир. Куда мы на полдня исчезнем?

– Посмотри на меня, – я развел руки в стороны.

Карасев окинул взглядом мою фигуру: бледное лицо, испарина на лбу.

– Краше в гроб кладут, – сделал он вполне ожидаемый вывод.

– Вот именно. Скажу, что утром отправлюсь на перевязку. Оттуда мы с тобой, с разрешения Котова, которое предварительно получим, двинем обратно на лесосеку. Надо при свете дня все осмотреть. Не мог Воронов совсем без следов уйти. Заодно прошерстим близлежащие деревни и хутора. Вот тебе, считай, весь день и ушел. Но из этого дня пару часов потратим на благое дело. Сделаем крюк через Золотухино. А к Тимошину заскочу прямо ночью.

Мишка щелкнул пальцами.

– Отлично, лейтенант. Говорю же, ушлый ты гражданин.

– Знаешь, что думаю... Главная задача – подменить чертежи. Изымать папку целиком нельзя. Литвин должен привезти в Москву сургучную печать Белова в сохранности.

– Лишняя суета, – отмахнулся Мишка, – Не надо подменять. Вытащим да и весе. С сургучом я разберусь. Внешне все будет выглядеть идеально. До столицы полковник в портфель не полезет, а когда спохватится... – Старлей усмехнулся, – Когда спохватится, будет уже поздно. И главное – хрен кто поймет, в какой момент документы исчезли. Конечно, Литвину за это грозит трибунал.

Карась посмотрел на меня с сомнением. Видимо, совесть, которая у него все же имеется, робко подала голос, намекая, что мы одним поступком испортим жизнь человеку.

– Миша, – ответил я на молчаливый вопрос Караса, – А по-другому никак не получится. Да, полковнику голову открутят. Но... с другой стороны, а если бы это не мы затеяли? Если бы реально враг хотел увести важные документы? Получится у нас – значит хрен на постном масле Литвин, а не полковник контрразведки. И нечего ему делать на этой должности. Расстрела, уверен, он избежит. Такие как Литвин живучие. Он бы нас, кстати, не пожалел. Сам знаешь. Вон как старался обвинить в предательстве. Как говорили древние римляне – кесарю кесарево.

Сговорившись, мы с Карасем быстро вернулись в оперативную комнату. Занялись снова писаниной. О предстоящем мероприятии вслух больше не говорили. Минут через двадцать в комнате появился Котов.

Капитан выглядел уставшим, однако во взгляде читалось облегчение. Он стянул фуражку, утер мокрый лоб.

– Всё. Сдал бумаги с рук на руки, – Андрей Петрович опустил на стул. – Белов лично каждую страницу просмотрел, сургучом пакет залил и печать тиснул.

– Во сколько товарищ Литвин отбывает? – небрежно поинтересовался Мишка, будто ради интереса.

– Рано. В шесть тридцать утра от Золотухино уходит состав на Москву. К нему цепляют спецвагон. Там столичный гость и поедет. А мы сможем выдохнуть.

Я отложил в сторону рапорт, демонстративно сморщился и тихо застонал.

Капитан нахмурился, разглядывая мою несчастную физиономию. Конкретно в данном случае симуляция физического истощения не требовала вообще актерских усилий. Боль реально накатывала волнами.

– Соколов, на тебе лица нет. Кровишь опять?

– Дергает, товарищ капитан, – выдавил сквозь зубы, поморщившись. – Наверное, снова рану растревожил.

Котов выругался вполголоса, поднялся со стула.

– Так, Карасев. Бери лейтенанта под белые ручки и дуйте отдыхать. Живо. Утром сразу в госпиталь. Пусть Тимошин посмотрит, перебинтует нормально.

– Есть дуть отдыхать, – козырнул Мишка, – Товарищ капитан, тут еще вот какое дело. Мы с Соколовым покумекали, пока вас не было. Надо на лесосеку вернуться. Воронов должен был наследить. Мы уже в темноте место изучали. Днем-то оно поудобнее будет. Что скажете?

– Что скажу... – Котов задумчиво почесал бровь. – Скажу, что молодцы. Идея хорошая. Эту гниду надо брать по горячим следам. Он, конечно, профессионал, но и мы не лаптем щи хлебаем. Я бы сам с вами рванул, да не выйдет. Вадис на восемь утра назначил экстренное совещание. Собирает всё руководство отделов и командиров опергрупп. Будет разбор полетов.

– Да мы и сами управимся, Андрей Петрович, – отозвался старлей, искренне глядя капитану в глаза. – Не сомневайтесь.

– Сомнений нет, что управитесь, – Котов усмехнулся, – Главное, чтобы не перестарались, как у вас обычно бывает.

Мы с Карасевым тактично промолчали в ответ.

Глава 4

Готовиться к поездке в Золотухино начали сразу, как только вышли из Управления. Мишка рванул к нашему блиндажу, чтобы быстро сварганить поздний ужин и собрать необходимое, а я отправился в госпиталь. Раненое плечо может подвести в самый неподходящий момент, значит нужно все обработать, перебинтоваться и, если повезет, выцыганить у Тимошина укол обезбола. По блату, так сказать. В конце концов, он на моем состоянии разжился как минимум папиросами и бутылкой коньяка.

Тимошин оказался на месте. Стоило мне войти в госпиталь, он тут же нарисовался в коридоре, будто поджидал за углом. К счастью, уже без группы заинтересованных товарищей. То ли спор на жизнь и здоровье лейтенанта Соколова утратил актуальность в силу живучести объекта спора, то ли остальные доктора были заняты.

Военврач размотал бинты, удивленно хмыкнул. Вопреки опасениям, все оказалось не так уж плохо. Молодой организм брал свое, рана один черт затягивалась и даже начала заживать.

– Знаешь, Соколов, – Высказался хирург, когда перевязка была закончена, – Не будь я коммунистом и медиком, сказал бы – чудо какое-то. Идешь на поправку вопреки всем законам логики, физики и анатомии.

Я воздержался от комментариев. Рано радоваться, пусть сначала окончательно все наладится.

А вот кое-что другое спросил. О состоянии Савельева. Мне упорно не давал покоя тот факт, что майор в своем бредовом состоянии упоминал не одного человека, а несколько. Раз уж я в госпитале, чем черт не шутит, вдруг удастся задать пару вопросов.

Тимошин тяжело вздохнул, вытер руки жестким полотенцем.

– Плох твой офицер Генштаба. Прооперировали сразу. Знатно его, конечно, отметелили. Разрыв селезенки, ребра сломаны. С почками тоже беда. Жить будет, если инфекция не добьет и сердце выдержит.

– Мне нужно с ним поговорить. Прямо сейчас.

Хирург бросил полотенце в специальный таз и с абсолютно серьезным выражением лица заявил:

– А мне нужно, чтобы у Гитлера случился инфаркт. Прямо сейчас. Как думаешь, возможно?

– Не смешно, товарищ военврач.

– Правда? – Тимошин небрежно дернул плечом, – А я как раз думал, вместе посмеемся. Какое поговорить? С ума сошел? Он под морфием! В полубреду. Ничего внятного не скажет.

Я поднялся с табурета, подошел к хирургу.

– Пять минут, доктор. Это очень важно.

Он несколько секунд задумчиво пялился в одну точку, думал. Затем хмыкнул, посмотрел на меня.

– Вот чем вы мне, контрразведчики, нравитесь, так это упрямством. Правда, в основном этим же и бесите. Ты не отстанешь, да, Соколов?

– Не отстану, – совершенно честно ответил я, – Если вы мне сейчас не поможете, выйду на улицу и найду способ проникнуть внутрь через окно. А это снова напряжение, растревоженная рана, кровотечение. Вы, как доктор, не можете допустить такого.

– Вот чертяка... – тихо хохотнул Тимоши. – Ладно, идем. Только учти, если майор тебе и ответит, то его слова надо делить на двое. Состояние такое. Может путать явь с бредом.

Мы вышли в коридор. Нужная одиночная палата находилась в самом конце. Стоило нам приблизиться, дорогу перегородил тот самый сержант, который сторожил "полуторку" в лесу.

Видимо, их с Сидорчуком еще не сменили. Правда, Ильича нигде не было видно. Может на перекур вышел.

– Стой! Не положено, – хмуро заявил боец.

– Так это посторонним не положено. А я был в группе, которая привезла раненного офицера. Забыл?

– Не положено, – упрямо повторил сержант, – Приказ капитана Котова: никого не пускать. Вход разрешен только товарищу военврачу Тимошину.

Я оглянулся на доктора. Тот стоял за моей спиной и с интересом наблюдал за происходящим. Мне кажется, его сложившаяся ситуация изрядно веселила.

– Отличная память, боец. – Я кивнул сержанту, а потом ткнул пальцем в хирурга, – Это кто?

Бедолага растерянно посмотрел на доктора, перевел взгляд на меня и слегка растерянно ответил:

– Товарищ военврач Тимошин.

– Ну? А в чем тогда проблема? – в моем голосе появилось раздражение. Мол, чего ты мне мозги компостируешь, сопляк? – Товарищ военврач идет проверить больного. Я в сопровождении. Если ты непустишь нас, то нарушишь приказ капитана Котова, который велел Тимошина пускать. Когда больному станет хуже, непременно данный факт сообщу капитану.

Часовой нахмурился. В его голове с натужным скрипом начали проворачиваться шестеренки. Он понимал, я его вроде как пытаюсь обвести вокруг пальца, но с другой стороны – реально, вот же Тимошин. Стоит и смотрит с ожиданием.

Ситуацию окончательно разрешил появившийся из соседней комнаты Сидорчук. Старший сержант держал в руке металлическую кружку, от которой вверх тонкой струйкой поднимался пар.

– О, лейтенант, а ты чего тут? – Удивился Ильич.

– Да на перевязке был. Заодно Котов велел проверить майора. Там, в Управлении, такая задница сейчас... – Я многозначительно посмотрел на Сидорчука, намекая на комиссию и разбор полётов, – А наш доблестный боец не хочет пропускать.

Не то, чтобы я соврал. Просто слегка искажил правду. К тому же, ничего страшного не произойдет, если даже Ильич скажет Андрею Петровичу про мою самодеятельность. Я и сам могу сказать. Завтра.

– Оставить, Гуляев, – скомандовал Ильич караульному. – Это лейтенант Соколов. Ты его уже видел. В лесу. Если говорит, что Котов послал, значит так и есть.

Наличие доктора, уверенность Сидорчука и некоторая неопытность самого сержанта сделали свое дело. Боец отступил в сторону. Мы с Тимошиным просочились в комнату. Хирург замер возле двери, кивнул в сторону кровати, на которой лежал прооперированный майор.

– Думаю, мне лучше не слышать, что ты будешь спрашивать, лейтенант. И что он тебе будет отвечать. Не готов хранить секреты контрразведки. Имей в виду, максимум пять минут.

Я молча прошел вперед, к койке. Выглядел Савельев, конечно, хреново. Бледный как полотно, дышит тяжело, со свистом. Опустился над офицером, осторожно тронул его за плечо.

– Товарищ майор. Очнитесь.

Веки Савельева дрогнули, открылись. Мутный взгляд с трудом сфокусировался на моем лице.

Учитывая всю ситуацию в целом я решил обойтись без долгих вступлений и прелюдий.

– Их было двое? Кто второй?

Потрескавшиеся губы Савельева шевельнулись. Он что-то явно пытался сказать. Пришлось наклониться еще ниже, чтобы разобрать хриплый шепот.

– Двое... Один бил... Второй... в тени... смотрел...

– Лицо видели?

– Нет... Всегда в тени... Молчал...

Майор закатил глаза и снова приготовился отключиться. Э, нет, дружок. Так не пойдет.

Быстро оглянулся на Тимошина. Доктор как раз увлеченно разглядывал выключатель на стене, честно отработывая в качестве мебели обещанные пять минут.

Я наклонился совсем близко, мягко положил руку на шею Савельева. Постарался своим же телом прикрыть это движение. Если Тимошин увидит мои манипуляции, сто процентов наступит по башке. Мой большой палец нащупал нужную впадину за углом нижней челюсти, прямо под мочкой уха. С силой вдавился в мягкую ткань.

Прости, майор, но та информация, которой ты владеешь, слишком важна сейчас. Тут уж не до гуманизма.

Этому жесткому фокусу меня научил тренер по боевому самбо. Именно там, под челюстью, проходит чувствительная ветвь тройничного нерва. Давление на этот узел вызывает пронзительную, бьющую током боль, которая гарантированно пробивает даже самую густую наркотическую пелену. Резкий выброс адреналина создает короткий шоковый коридор – буквально секунд на пятнадцать мозг выныривает из эфирного тумана, чтобы отреагировать на угрозу.

Прием сработал безотказно. Веки Савельева дрогнули и широко распахнулись. Он судорожно втянул воздух. Мутный взгляд вырвался из небытия.

– Вспоминайте, – тихо приказал я, – Любая деталь. Обувь, голос, манера говорить. Как он двигался?

Савельев судорожно сглотнул. На лбу выступила испарина. Память отчаянно цеплялась за обрывки болезненных воспоминаний.

– Трофейная зажигалка... – майор глухо закашлялся, на губах запузырилась розовая пена. – Откидная крышка... Звонкий металлический щелчок... Постоянно открывал и закрывал... Клац-клац... Нервничал...

– Еще что-то?

– Видел руку. Запястье перетянуто широким ремнем. Из темной кожи. Не от часов... Просто браслет...

Савельев застонал, глаза закатились. Он окончательно погрузился в забытье.

Ну что ж...И на том спасибо. Привычка щелкать зажигалкой и кожаный ремешок на руке. Приметы, конечно, так себе. На двоечку.

– Эй, лейтенант... – настойчиво позвал меня Тимошин.

– Да, да...Идем.

Я выпрямился, направился к выходу из палаты. Если бы не присутствие врача, можно было бы попытаться использовать еще парочку фокусов. Но... Если бы да кабы – гадание на кофейной гуще. По факту ничего не изменится.

После госпиталя я сразу отправился в наш блиндаж. Карась уже сообразил скромный ужин – тушенку с перловкой, и теперь занимался более важными делами. Сосредоточенно складывал необходимый инструмент в вещмешок.

На самое дно, бережно обернутый в промасленную тряпицу, отправился знакомый матерчатый сверток. Там лежали тонкие стальные стержни – самодельные отмычки разного калибра, которые Мишка с маниакальным усердием выпиливал надфилем перед поездкой в Воронеж. Кто бы мог подумать, что они нам снова пригодятся.

Далее – Мишка прихватил с собой специфический инструмент для работы с сургучом.

Старлей аккуратно упаковал "мойку" – обломок опасной бритвы. Невероятно тонкая сталь поможет ему подрезать печать генерала Белова. Далее – в мешок отправился огарок стеариновой свечи. Мишкин расчет был точен и предельно понятен. Именно такая свеча даст ровное пламя и освободит руки, достаточно закрепить ее каплей воска на столе. Ну и еще один немаловажный момент – стеариновая свеча не оставляет запаха, не коптит, не плавится, как обычная парафиновая или восковая.

Последней в отдельный кармашек скользнула завернутая в бумажку толстая игла, чтобы ювелирно вытянуть шпагат из размягченной массы, не повредив сам оттиск.

Следом за инструментом Карась, к моему удивлению, закинул в мешок две банки тушенки из неприкосновенного запаса.

– Миша, мы на дело идем или нам кроме как в Золотухино пожрать негде? – с усмешкой поинтересовался я.

Карась коротко глянул в мою сторону, затянул горловину вещмешка и туманно бросил:

– Не зудит, лейтенант. Пригодится.

Спорить я не стал. Из нас двоих вор – Карась. Если он считает, что тушенка будет в предстоящем деле полезной, пусть хоть ящик берет. Лишь бы все получилось.

Мы перекусили, завалились на топчаны и пару часов даже успели поспать. Ровно в пять часов вскочили на ноги.

Поймать попутку в прифронтной полосе перед рассветом – задача нетривиальная. Однако красные корочки контрразведки решают и не такие проблемы. На выезде из Свободы нам с Карасем удалось тормознуть "полуторку" интендантов, идущую прямо на железнодорожный узел.

Сорок минут тряски по разбитой грунтовке пошли мне на пользу. Даже удивительно, как быстро человек привыкает к бытовым неурядицам. Фронтовые дороги больше не казались мне чем-то бесячим. Даже наоборот. Голова от периодического клацанья зубами очень быстро проветрилась и посвежела. Мозг реально начал работать лучше.

Учитывая, какую аферу мы с Мишкой затеяли, это хорошо. Любое неверное движение или ошибка могут привести к плачевным последствиям. За кражу документов у полковника ГУКР нас вряд ли похвалят. Это сто процентов будет трибунал со всеми вытекающими последствиями. Так что светлая голова – самое оно.

К станции Золотухино подъехали в густых утренних сумерках. Крупный транспортный узел жил своей, напряженной, жизнью. Тяжело дышали паром маневровые локомотивы, с грохотом сцеплялись вагоны, переругивались диспетчеры. Вдоль перронов тянулись вереницы платформ с накрытой брезентом техникой и теплушки с личным составом.

Карасев уверенно лавировал в толпе военных и железнодорожников, высматривая нужный эшелон. Сборный состав на Москву стоял на третьем пути. Литерный вагон прицепили ближе к хвосту состава, перед почтовым. Свежая зеленая краска и плотно задернутые шторы на окнах выдавали его с головой. Возле подножки, переминаясь с ноги на ногу, бдительно топтался сержант комендатуры. Охранял покой Желтушного, который, так понимаю, уже обустроился внутри.

Мы с Карасем спрятались за штабель ящиков, стоявших неподалеку. Несколько минут наблюдали за поездом. До отправления оставалось совсем немного. Техническую часть операции обсудили от и до, однако имелась одна существенная прореха, которую пока не понятно было, как решить.

– Миша, есть сомнение, – я кивнул в сторону вагона, – В твоём профессионализме уверен. Но как провернем саму подмену? Москвич сто процентов с портфелем не расстается. Чтобы достать бумаги, полковника нужно физически выманить в коридор. Причем так, чтобы он на какое-то время забыл про свой драгоценный груз.

Карасев снисходительно хмыкнул. Достал папиросу, прикуривать не стал, просто зажал гильзу в зубах. Погонял ее туда-сюда.

– Не ссы, лейтенант. Я же тебе сразу сказал, разберемся. Оглянись.

Старлей повел головой, намекая на снующих вдоль поездов людей.

– Золотухино – огромная станция. Эшелоны, беженцы, интенданты с барахлом. А где крутится народ, там обязательно кормится наша братия. Щипачи, майданщики, беспризор-

ники. Времена такие нынче, кому-то война только на руку. Нам нужен "инструмент" и мы его найдем.

Старлей прищурился. Он высматривал что-то, понятное только ему.

– Вон, смотри, – сказал Карась, – Нужный человечек нарисовался.

У касс, где командировочные с руганью и скандалами компостиrowали проездные, крутился щуплый подросток лет тринадцати. Чумазый, с хитрым взглядом, в безразмерной кепке и рваном, не по росту большом ватнике. Он виртуозно вытанцовывал возле упитанного интенданта. Малец изображал суету, сталкивался с прохожими, а сам тем временем аккуратно пристраивал два пальца к оттопыренному карману чужого галифе.

Мишка быстро перекинул вещмешок мне в руки и сорвался с места. Двигался старлей стремительно, будто щука, которая в мутной воде заметила глупого карася. Обогнул тележку носильщика, проскочил спешащего связиста и оказался за спиной малолетнего воришки ровно в тот момент, когда пальцы босяка потянули пухлый бумажник.

Мне не оставалось ничего кроме, как рвануть вслед за Мишкой.

Карасев перехватил запястье подростка коротким, выверенным движением, одновременно отеснил его плечом от жертвы. Самое смешное, интендант вообще ничего не заметил. Спокойно пошел дальше по перрону.

Беспризорник дернулся, оскалился волчонком, а потом натурально попытался укусить Карася за руку. Старлей сильнее крутанул худую кисть. Парнишка зашипел от боли. Мишка моментально перехватил его за шиворот и оттащил в сторону, за те самые ящики, где только что прятались мы сами.

– Тихо, шкет, – цыкнул Карась на парня, для остротки потрянул его пару раз, – Дернешься – переломая грабли. Чтобы чужое не повадно было брать.

Малолетний жулик затравленно зыркнул по сторонам. Естественно, звать на помощь он не мог, потому как его только что поймали с поличным. Уж глупостью воришка точно не отличался. Он понял, что вырваться силой не выйдет, и мгновенно сменил тактику. Лицо исказилось неподдельным отчаянием, на глазах появились самые настоящие слезы.

– Пустите, дяденьки! – заныл он срывающимся голосом. – Обознались вы! Тятюку в толпе потерял, ей-богу!

– Заткни фонтан, – Карась еще раз встряхнул пацана так, что безразмерная кепка слетела на землю. – Тятюку он потерял. Угол ты резал, майданщик недоделанный. Значит так. Варианта два. Либо прямо сейчас сдаю тебя патрулю, и едешь к легавым. А дальше – сам знаешь. Детский дом, побудки под гимн Советского Союза, конец вольной жизни. Либо помогаешь контрразведке, получаешь благодарность и идешь на все четыре стороны. Если сделаешь все красиво, потом банку тушенки подкину. Усек?

Оборванец моментально перестал скулить. Скупые слезы резко высохли, взгляд сделался цепким, по-взрослому оценивающим. Говорю же, пацан точно не дурак. За одну секунду все взвесил, прикинул и пришел к выводу, что конкретно сейчас лучше подчиниться обстоятельствам. К тому же банка тушенки на дороге не валяется.

– Чего исполнить надо, командир? – шмыгнув носом, деловито осведомился он.

– Видишь зеленый вагон? Он предпоследний, – Мишка развернул пацана за плечи, указывая направление. – Как паровоз гудок даст, быстро ныряешь под буфера прямо перед ним. Запрыгиваешь на межвагонную сцепку. Поедешь зайцем, между зеленым и идущей впереди теплушкой. Минут через пять переберешься на переходную площадку. Ждешь еще пять минут, потом бьешь стекло в тамбурной двери. С грохотом.

Глаза подростка округлились.

– Ты спятил, дядя? Там же охрана с винтарями! Шлепнут на месте!

– Не шлепнут, – заявил Карась уверенно, – Сначала побегут проверять, что случилось. Твоя задача – рухнуть на пол и орать дурниной. Плачь, сопли пускай. Кричи, что просто

отбился от состава с беженцами, едешь к мамке в Орел. Главное – подними такой хай, чтобы из купе выскочил самый важный начальник. Сразу его узнаешь. Полковничьи погоны, рожа желтым отликает. Неприятный тип. Тебе надо будет задержать его минут на пять, может чуть больше. Выклянчишь прощение, получишь подзатыльник, а на первом же замедлении хода спрыгнешь в траву. Понял?

Малец потер запястье, на котором остались следы Мишкиных пальцев. Перспектива оказаться в детском доме пугала его больше, чем вероятность получить тумаков от военных.

– Жратву вперед давай, – буркнул ушлый босяк, протягивая руку.

Карась усмехнулся. Достал из вещмешка банку тушенки, помахал ею воздухе, а потом сунул в зазор между ящиками.

– Вот она. Будет лежать тут, дожидаться тебя, – заявил старлей, – Голову включи, как ты с этой банкой по вагону скакать собираешься? Сделаешь дело, вернешься и заберешь. Усек?

– Ну смотри, дядя... – пацан смешно нахмурился и погрозил грязным пальцем Карасю, – Обманешь, век тебе удачи не видать.

Мелкий бес подхватил кепку и мгновенно растворился под стоящими рядом с нами вагонами.

– Порядок, лейтенант, – Мишка поправил фуражку. – Вот и тушеночка пригодилась. А ты все спрашивал – зачем да почему? Москвич не упустит шанса показать свою власть над пойманным оборванцем. Выскочит в коридор как миленький. Вот тогда-то я и сработаю папку. Вскрывать придется прямо в купе. За пять минут успею. Теперь пошли занимать места согласно купленным билетам. Нас уже заждались.

Глава 5

Наш вагон был следующим после литерного. В самом хвосте. Обшарпанный почтово-багажный, с широкими сдвижными дверями. Дело оставалось за малым – попасть внутрь так, чтобы двух левых офицеров не заметил боец, который стоит в охранении.

Сложностей на данном этапе не возникло. Дождались, когда сержант отвернется, отвлеченный суетой на перроне, и шустро проскочили к вагону. Карасев ухватился за поручни, подтянулся, легко запрыгнул в приоткрытую дверь. Я проскользнул следом.

Внутри было сумрачно и пыльно. Сквозь щели в разошедшей обшивке пробивались тонкие лучи утреннего света.

Все пространство оказалось забито под завязку. Вдоль глухих деревянных стен тянулись металлические стеллажи, плотно заставленные пухлыми брезентовыми мешками с массивными свинцовыми пломбами. На полу громоздились штабеля фанерных ящиков, украшенных трафаретными номерами полевых почт и штампами интендантских складов.

У дальней стены располагалось рабочее место сопровождающего груз экспедитора. Настоящая баррикада из крупногабаритных ящиков отгораживала небольшое пространство. Там, под забранной в металлическую сетку тусклой лампочкой, ютился прикрученный к переборке откидной столик. На затертой столешнице возвышались стопки накладных, поблескивала чернильница-непроливайка и торчал железный штырь для чеков. Сам пожилой работник почты, одетый в засаленную тужурку, как раз пересчитывал квитанции.

Услышав стук сапог по доскам, он поднял голову. Нахмурился, набрал в грудь воздуха для возмущенного окрика. Карасев оказался быстрее.

Мишка в два шага преодолел расстояние, достал из кармана красное удостоверение СМЕРШ, раскрыл перед носом почтовика буквально на секунду и тут же захлопнул.

По факту экспедитор успел рассмотреть только цвет обложки да грозную аббревиатуру. Фамилию не прочел бы при всем желании.

Грамотный ход. Когда в Москве хватятся пропавших документов и поднимут бучу, следователи неизбежно доберутся до этого вагона. Начнут трясти сопровождающего. Тот толком ничего объяснить не сможет. Были двое из СМЕРШа, а кто именно – черт их знает. Контрразведка большая, поди разыщи. К тому же особых примет у нас с Карасем не имеется. Мы с ним оба... как бы это сказать... среднестатистические.

– Опергруппа фронтового управления, – заявил старлей суровым тоном, убирая документ обратно в карман. – Выдели угол, отец. Нам ненадолго. Сойдем быстро.

Почтовик загрузил, сглотнул заготовленные ругательства, указал рукой в сторону дальнего закутка, заставленного тюками с корреспонденцией.

– Вот там располагайтесь.

Естественно, экспедитору даже в голову не пришло задавать уточняющие вопросы.

– Мы люди тихие, – добавил Мишка. – А ты, батя, делами своими занимайся. И в нашу сторону не смотри. Усек? Будто нет никого в вагоне.

– Так точно, товарищ командир, – поспешно закивал почтовик, пятясь к своему столу. – Мне-то что... У меня накладные проверки требуют, не до вас.

Буквально пара секунд – и он скрылся за баррикадой из посылочных ящиков. Скрипнул табурет, громко зашелестели бумажки. Мужик активно демонстрировал абсолютную отстраненность от происходящего.

Мы прошли в указанный угол, обогнув высокий штабель перевязанных бечевкой пачек со свежей фронтовой прессой. Место оказалось удачным – глубокая ниша между стеллажами надежно скрывала нас от случайных взглядов, но позволяла держать под контролем весь про-

ход вплоть до задней торцевой двери. Той самой, за которой начиналась сцепка и переход в спецвагон Литвина.

Карась скинул на пол вещмешок, привалился спиной к дощатой переборке.

– Удобно устроились, – негромко произнес старлей, вытягивая ноги.

– Почтовик в вагоне останется, – вполголоса заметил я, кивнув в сторону затихшего экспедитора. – Лицо материально ответственное. Багаж не бросит при всем желании. Не станет проблемой?

– Этот-то? – Мишка пренебрежительно скривил губы. – Забудь. Он теперь слепым и глухим прикинется. Человек системы, отлично понимает: раз особисты залезли в вагон, лучше сделать вид, что тебя здесь нет. Будет сидеть тихо и накладные свои мусолить до самой Москвы. К тому же, как от станции тронемся, паровоз наберет ход. Грохот колес и лязг буферов надежно заглушат любую возню. До торцевой двери доберемся без проблем. Теперь главное, чтобы шкет не подвел. Если он раньше времени стекло грохнет или москвич не купится, весь план насмарку.

– Купится, – ответил я уверенно, – Такие, как Литвин, не упускают случая самоутвердиться за счет слабых. Это для них физиологическая потребность.

Я собрался было устроиться рядом с Карасем, но со стороны открытой двери потянуло утренней сыростью и сквозняком. Обернулся, посмотрел на отодвинутую створку.

– Пойду закрою, – сказал Мишке, – Чтобы не заглянул случаем кто-нибудь особо любопытный. Заодно проверю, не срисовал ли нас сержант при посадке.

– Добро, – согласился старлей, – Думаю, вряд ли нам стоит ждать попутчиков. А лишние глаза и правда ни к чему.

Я подошел к проему, взялся за край тяжелой сдвижной двери. Осторожно выглянул, чтобы оценить ситуацию на перроне. Внезапно что-то привлекло мое внимание. Пожалуй, даже не могу объяснить, что именно. Просто внутри появилось какое-то странное ощущение – смесь тревоги и возбуждения. Будто вот-вот полечу вниз с высокой горки.

Чувство было слишком неожиданное и внезапное. Я замер, уставившись на перрон. Пытался понять, что со мной происходит. А потом... сквозь клубы пара от маневрового локомотива и людскую суету увидел знакомый силуэт.

Это была Скворцова.

Она стояла на соседнем пути, где как раз шла погрузка санитарной летучки.

Возле выкрашенных грязно-зеленой краской вагонов с блеклыми красными крестами на боках кипела тяжелая работа. Усталые санитары хмуро таскали носилки с перебинтованными бойцами, грузили людей в вагоны. Некоторые из ходячих раненых курили прямо рядом с составом. Кто-то стоял сам, кто-то опирался на костыли или плечо товарища.

Судя по всему, Скворцова руководила процессом, контролировала эвакуацию раненных, которым требуется больше, чем может дать полевой госпиталь.

Строгая офицерская гимнастерка по фигуре, туго перетянутая португеей, темная юбка, кирзовые сапоги. Я вдруг подумал, как же чертовски ей идет форма. Обычно мы пересекались в больничке и там Скворцова почти всегда была в белом халате.

Елена Сергеевна быстро сверяла списки в командирском планшете, раздавая короткие указания спящим фельдшерам.

Внезапно она осеклась. Замерла. Словно почувствовала, что я смотрю на нее. Обернулась, безошибочно вычислив направление чужого взгляда сквозь всю эту вокзальную толчею.

Наши глаза встретились. Десятки метров, толпа, лязг металла – всё это на секунду перестало существовать. Скворцова смотрела прямо на меня, а я – на нее. Сцена как в фильмах. Отвечаю. Замедленный кадр, в котором двое находятся так близко, но в то же время невероятно далеко.

Скворцова медленно подняла руку, машинально поправила выбившуюся из-под берета русую прядь. Она не сделала ни шагу к моему почтовому вагону. По взгляду Синеглазки я не мог понять, нужны ли ей вообще эти шаги. После поцелуя в ординаторской мы впервые увидели друг друга.

Я тоже не делал резких движений. Просто стоял и пялился как дурак на женщину, которая, несмотря на все, что происходило между нами, несмотря на обстоятельства, стала мне дорога. Фиксировал в памяти упрямую складку между бровей, синие глаза, особенное выражение лица. Будто это вообще реально забыть.

– Так и будешь в гляделки играть? – раздался за спиной тихий голос Карасева. Старлей, не дождавшись моего возвращения, решил проверить, что же настолько привлекло внимание напарника. – Тебя даже сопливый пацан срисует за минуту. Маячишь на самом виду.

Я молча двинул створку, закрыл ее. Затем, не говоря ни слова, вернулся в угол, который нам отвел почтовик. Сел на пол. Через пару секунд рядом пристроился Карасев.

– Красивая женщина, – выдал он после короткой паузы, – И смотрит на тебя правильно. Собираешься с этим что-то делать?

– Война закончится – тогда и поглядим, – ответил я ровным голосом.

Мишка понимающе хмыкнул.

Перейти со Скворцовой на более близкие отношения... Хотел бы я этого? Ясное дело – да! Но ей со мной связываться сейчас точно нежелательно. Контрразведка, тайные игры, охота за диверсантами, Крестовский, который ошивается где-то рядом – в любой момент это все может обернуться реальными проблемами. Лучшее, что я сейчас могу сделать для Елены Сергеевны – держаться подальше от нее.

Паровоз издал протяжный, хриплый гудок. Вагоны вздрогнули, натянулись стальные сцепки. Пол под ногами мелко завибрировал. Поезд тяжело тронулся с места, постепенно набирая ход. Мерный перестук колес слился в сплошной, оглушающий грохот.

Мы с Карасевым выждали несколько минут. Мишка сверился с часами, поднялся на ноги, закинул вещмешок на плечо. Коротко кивнул на торцевую дверь вагона. Пора.

Прошли мимо стеллажей бесшумно. Почтовик-экспедитор, который обещал ничего не видеть и не слышать, даже ухом не повел. Он реально превратился в глухую декорацию. Полностью погрузился в изучение бумаг.

Старлей отодвинул тяжелый железный засов, распахнул торцевую дверь. В лицо ударил плотный поток ветра вперемешку с угольной крошкой. Мишка достал отмычки, вручил мне вещмешок, перебрался по лязгающим железным плитам к соседнему вагону.

Замок в торцевой оказался стандартным, железнодорожным. Я не успел сосчитать до десяти, а Карась уже справился с задачей. Пара секунд – и мы перебрались в задний тамбур спецвагона.

Здесь даже воздух был другим. Вместо едкой гари и мазута – тонкий аромат табака, мастики и едва уловимый дух хорошего одеколona. Мишка осторожно приоткрыл внутреннюю дверь в коридор, замер. Щель была узкой, но я прекрасно видел из-за плеча старлея всю диспозицию.

Вагон типа СВ, переделанный под генеральский. Вместо привычных восьми купе – только пять и маленький "зал" для совещаний, прямо рядом нерабочим тамбуром, где спрятались мы.

Вдоль всего прохода – ковровая дорожка. Отлично. Она будет гасить звук шагов. На окнах – плотные синие шторы, перехваченные витыми шнурами с кистями. На стенах между окнами – зеркала в латунных оправках и фотографии с видами Крыма, оставшиеся еще с мирных времен.

Схема расположения пассажиров была ясна без лишних слов. Первое купе со стороны противоположного, рабочего тамбура скорее всего занимает проводник. Второе или третье – сопровождающий полковника, личная охрана. Четвертое открыто, оно пустое. Пятое, судя по

наглухо закрытой двери, оккупировал Литвин. Литерный вагон, да еще генеральский, – это прежде всего приватность и дистанция.

Единственный часовой из комендантской роты маячил в самом конце коридора, у титана с горячей водой. Он стоял к нам спиной. Лениво пялился в окно передней тамбурной двери, подпирая плечом стену. Автомат небрежно висел на груди. Боец явно расслабился. В таком составе врагов ждать неоткуда. Кроме того, ему прекрасно известно, что нерабочий тамбур, где притаились мы с Карасем, закрыт на замок по инструкции.

– Вторая дверь от нас, по нумерации пятое, – едва слышно выдохнул Карась, не отрывая взгляда от коридора. – Литвин там. Как только заваруха начнется, охрана побежит вперед. Москвич – за ними. У нас будет секунд тридцать, чтобы попасть в купе.

Я молча кивнул.

Мы с Мишкой изначально договорились идти вдвоем. Естественно, он мог бы сделать все и один. Но тут вот какое дело. Увлеченный работой Карась может упустить момент, когда Литвин решит вернуться или охрана окажется возле купе. И тогда старлей попадет прямо в руки полковнику. Поэтому моя роль была предельно простой – прикрывать тыл, следить за тем, что происходит в тамбуре, где пацан устроит спектакль, и, если возникнет такая необходимость, сделать все, чтобы Карась ушел с бумагами. Даже если меня зажопят.

Рискованно, конечно. Но справедливо. Идея выкрасть чертежи – моя. Значит мне и подставлять шею, если что-то пойдет не так.

Мы замерли в ожидании нужного момента. Минуты тянулись мучительно долго.

И вот, наконец, началось.

Со стороны тамбура, расположенного в противоположном конце, донесся резкий звон бьющегося стекла.

Часовой дернулся, вскинул автомат, рванул вперед. Как только он выскочил в тамбур, раздался громкий визг. Причем, судя по тому, что удавалось рассмотреть через стекло тамбурной двери, боец даже не успел толком понять, какого черта происходит. Он только схватил мальчика за шиворот и втянул внутрь, с площадки, а шкет уже принялся орать как резанный.

– Ой, что делается! Ой, помогите, люди добрые! А-а-а-а-а! Убивают!

Я не видел лица сержанта, но по-моему, он знатно прибалдел с происходящего. Во-первых, никаких детей на площадке спецвагона быть не должно. Во-вторых, бедолага по сути помог мальчишке, а тот устроил форменную истерику и категорично не хотел затыкаться.

В ту же секунду распахнулась дверь первого служебного купе – в проход выскочил перепуганный проводник. Следом из четвертого вывалился здоровенный лейтенант. Личный сопровождающий москвича. Он вытащил пистолет и рванул к тамбуру. Проводник бросился следом.

Пацан за дверью верещал дурниной. Причитал о потерянной мамке и молил не убивать.

Мы с Карасем буквально перестали дышать. Наступил момент истины. Либо у нас все получится, либо придется срочно импровизировать. Все зависело от реакции Литвина. От того, как он себя поведет.

Секунда, две... Дверь нужного нас купе с грохотом отлетела в сторону. В коридор выскочил Желтушный. В расстегнутом кителе, с помятым, заспанным лицом.

– Какого черта?! – рявкнул он в сторону тамбура.

Естественно, никто ему не ответил, потому как сержант, лейтенант и проводник были заняты тем, что пытались уговорить орущего пацана.

– Черт знает что! – выругался Литвин и двинулся к остальным.

– Пора! – коротко велел Карась.

Мы вынырнули из-за двери. Ковер идеально скрывал звуки наших шагов. Три прыжка – и Мишка первым скользнул в купе. Я – следом. Замер возле двери, прикрыв ее ровно

настолько, чтобы видеть и коридор и тамбур, в котором разворачивалось представление достойное "Оскара".

Литвин резко дернул на себя створку, замер на пороге. Тамбур был забит под завязку. Сержант, проводник, лейтенант и орущий малец.

– Это что еще за недоразумение?! – рявкнул полковник, – Какого черта в вагоне посторонний?!

Пацан резко заткнулся, посмотрел на Литвина. Прикидывал, тот ли это полковник, про которого ему говорили. А потом резко кинулся к Желтушному, ухитрившись проскользнуть мимо трех взрослых мужиков, которые бестолково топтались на месте, совершенно не понимая, что делать с подростком.

Шкет рухнул на колени, прямо на грязный железный пол тамбура, и мертвой хваткой вцепился обеими руками в начищенный хромовый сапог Литвина. При этом он тянул ногу полковника к себе, вынуждая Желтушного податься вперед.

– Дяденька! Благодетель! Не вели казнить! – заголосил пацан с надрывом, зарываясь чумазым носом в отглаженное полковничье галифе. – Потерялся я! От мамки отстал, поезд ушел! Жрать охота, помираю!

Желтушный брезгливо дернул ногой, пытаясь стряхнуть оборванца, но малец висел на сапоге, словно клещ.

– Отцепись, паршивец! Сержант, оторви его от меня! – приказал Литвин бойцу.

Куда там. Стоило кому-то из взрослых протянуть к парнишке руку, он резко оборачивался и с таким остервенением клацал зубами, что сразу становилось понятно – укусит. Да еще как укусит.

– Товарищ генерал! Товарищ самый главный командир! – малец обхватил голенище сапога обеими руками, – Век за тебя Бога молить буду! Не сдавай в милицию! Я же свой, я мамку ищу! Смилуйся, благодетель!

Литвин стоял ко мне спиной, но я видел как расправились его плечи. Только что пацан с ходу возвел Желтушного сразу в генеральское звание. Ерунда, казалось бы, но психология людей, подобных Литвину такова, что даже подобная глупость действует на них как сметана на кота.

Сержант снова попытался оттащить пацана за шиворот, но тот ловко вывернулся, оставив в руках бойца только старый ватник, и снова бросился в ноги москвичу, цепляясь уже за вторую ногу.

– погоди, – властно бросил Литвин охраннику, поправляя китель. – Значит, к мамке едешь, говоришь? А стекло казенное зачем бил? Вредительством занимаешься? И как от мамки отбилась?

– Поезд перепутал товарищ генерал, – запричитал шкет, – С голодухи совсем не соображаю. В глазах темнеет. Того и гляди помру.

– Нет, помирать тут не надо, – реально напрягся Литвин. – Еды тебе дадим. Вот только находится...

Пока полковник читал нотации в переднем тамбуре, за моей спиной шла ювелирная работа. Оглянулся на мгновение, чтобы оценить, как скоро мы сможем уйти из купе.

На столике, прямо возле окна, лежал пухлый портфель. Карась уже вытащил оттуда плотный бумажный пакет, перевязанный суровым шпагатом с массивной сургучной печатью генерала Белова.

Старлей действовал четко, быстро, выверенно. Достал огарок стеариновой свечи, капнул воском на металлическую крышку казенной пепельницы, намертво зафиксировал. Чиркнул спичкой. Пламя занялось ровно, без малейшего намека на копоть и запах.

Следом в ход пошла "мойка". Мишка нагрел обломок опасной бритвы над огнем. Горячая, острая сталь аккуратно скользнула под сургучную бляху. Нижний слой размягчился,

печать отделилась от бумаги целиком, словно крупная монета. Толстой иглой Карасев быстро вытянул нити шпагата из остатков размягченной массы. Развязал.

Пакет вскрыт.

Я снова посмотрел в коридор. Шкет не сдавал позиций. Теперь он натурально целовал край кителя полковника, причитая о голодном детстве. Литвин слушал, брезгливо морщился, и при этом сам не понимал, насколько втянулся в игру.

Роль благодетеля, да еще в присутствии трех зрителей, тешила раздутое эго Желтушного. Особенно после того, как ему дали пинка под зад и выкинули из Ставки. Да, официально все выглядело прилично. Типа, отправили с промежуточным отчетом. Но Литвин не дурак. Он прекрасно понял, это был именно пинок под зад.

Еще мгновение и чертежи перекочевали из конверта Мишке за пазуху. Шпагат был завязан обратно. Карась снова нагрел бритву, приложил к нижней части снятой печати, подплавил сургуч и плотно прижал оттиск к узлу. Застыло намертво. Не найти ни единого следа взлома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.